

Е. А. Сурков

Кемеровский государственный университет

**Повесть А.С. Пушкина «Станционный смотритель»
и поэтика «арзамасской игры»**

Одним из главных смыслопорождающих принципов повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» признана ее интертекстуальность: широкий спектр литературных аллюзий, реминисценций, *различных* эквивалентов, в совокупности создающих *неоднозначные* смысловые параметры произведения. Насколько многочисленны и значимы такие аллюзии в повести, мы можем судить и по другим «событиям» того историко-литературного и культурного контекста, который нашел свое отражение в повести. Как представляется, эти «события», пока еще не привлекавшие к себе специального внимания, являются немаловажными в интерпретации пушкинской повести.

Герой-повествователь Пушкина, путешествуя «в 1816 году», познакомился со смотрителем, о котором намеревается теперь «побеседовать с любезными читателями». Своеобразную параллель с этой ситуацией можно видеть в другом путешествии, совершенном, как и в повести Пушкина, в 1816 году и сопровождавшемся также созданием текста о «станционном смотрителе». Эта история была широко известна в литературных кругах того времени, поскольку была связана с именем В.Л. Пушкина и нашла бурный отклик в «Арзамасе». Неслучайно, много лет спустя ее описал в «Мелочах из запаса моей памяти» М.А. Дмитриев: «Случилось, что Василий Львович, едучи из Москвы, написал эпиграмму на **станциионного смотрителя** и мадригал его жене. И то и другое он прислал в Арзамасское общество; и то и другое найдено плохим, и Пушкин был разжалован из имени *Вот*; ему дано было другое: *Вотрушка!* Василий Львович чрезвычайно огорчился и упрекнул общество дружеским посланием <...>. При рассмотрении послания оно было найдено хорошим, а некоторые стихи сильными и прекрасными – и Пушкину возвращено было прежнее *Вот*, и с прибавлением *я вас*: т.е. *Вот я вас* <...>. Пушкин был от этого в таком восхищении, что ездил по Москве и всем это рассказывал» [Дмитриев, 1985, с. 200].

М.А. Дмитриев пишет о стихах В.Л. Пушкина, написанных поэтом во время его совместной поездки с П.А. Вяземским и Н.М. Карамзиным в Москву. Бурное обсуждение этих стихов отражено в протоколе заседания «Арзамаса» от 20 апреля 1816 года, где они названы «несчастливым памятником *Вот я Васова* путешествия» [Арзамас, 1994, с. 360-361]. Об отношении ко всему циклу «дорожных стихов» В.Л. Пушкина мы можем узнать и из переписки арзамасцев. Например, из письма Д.Н. Блудова к П.А. Вяземскому: «Не забудьте старосте *Вот я Вас* за стихи его сказать: *Вот я тебя!* И это говорю еще я один: что же скажет весь собор Арзамаса, которому в будущий четверг я представлю на усмотрение дорожные пакости Старосты. <...> я почти рассердился на Пушкина; и теперь спрашиваю у себя и у всех, как может человек не безумный писать такие стихи, путешествуя с Карамзиным. Видно, что глупость есть болезнь неизлечимая» [Там же, с. 357].

Очевидно, что даже Д.Н. Блудова-арзамасца поразило резкое несоответствие: традиционная семантика «литературного путешествия», да еще и рядом с

самым знаменитым «русским путешественником» – Н. М. Карамзиным, и создание «дорожных пакостей» для автора письма не сочетаемы, а потому и представляются «глупостью». Аналогичное отношение к стихам В.Л. Пушкина отражено и в протоколе заседания Арзамаса от 20 апреля 1816 года. Заседание, как напишет четыре дня спустя С.П. Жихарев П.А. Вяземскому, «было чрезвычайное» [Там же, с. 363], что и отразилось в протоколе. Например: «Президент Ивиков Журавль <...> воскликнул: “Что се есть, арзамасцы? До чего мы дожили?..” <...>. Челнок <...> спросил у собрания: нельзя ли узнать, до чего мы дожили и об чем так горько плачем? Сей невинный вопрос напомнил секретарю Кассандре его обязанность: он встал <...> и объявил, что “Арзамас дожид до поносных стихов своего Старосты и плачет о том, что из оных стихов может легко произойти для Арзамаса бесславие великое <...>”. ...Все грозно требовали доказательств, доказательства явились: <...>, все искали таланта и вкуса в новых стихах его..., искали тщетно, в них даже не было смысла» [Там же, с. 359].

Да и сам «устыдившийся» В.Л. Пушкин пишет о том же в своем «Послании к Арзамасцам»:

Я грешен. Видно, мне кибитка не Парнас;
Но строг, несправедлив ученый Арзамас,
И бедные стихи, плод шутки и дороги,
По мненью моему, не стоили тревоги.
Просодии в них нет, нет вкуса – виноват!
[Там же, с. 367].

Хотя не все «дорожные» стихотворения В.Л. Пушкина сохранились, ироничное описание станций мы можем найти как в других, сохранившихся текстах цикла, так и в сделанных рукою П.А. Вяземского приписках к ним. Например: «Староста написал оные вышепрописанные стихи на станции Подберезье в течение 15-ти минут, в присутствии пьяного капитана, который был с Суворовым в Англии и за сей поход получает пансион по смерти, как он сам сказывал» [Там же, с. 354]. Причем, Вяземский сразу же после путешествия ничего особенного в «дорожных» стихах Пушкина не видел. Он написал, например, А.И. Тургеневу: «Наш Староста забавлял нас всю дорогу; немедленно пришлое журнал нашего путешествия в Арзамас» [Там же, с. 355], и действительно послал его Д.Н. Блудову, гневное письмо которого по поводу стихов В.Л. Пушкина мы уже цитировали. По нашему мнению, дальнейшая ситуация обсуждения малоталантливых стихов, созданных по «станционным» впечатлениям в виде «журнала путешествия», была смоделирована позднее и намеренно как один из типичных сюжетов арзамасской полемической «литературной игры». Это был своеобразный шуточный спектакль, ставший единым текстом, причем текстом литературным, поскольку в его состав можно с полным правом включить не только цикл «дорожных стихов» В.Л. Пушкина, но и целый ряд писем арзамасцев, документы Арзамаса (протокол заседания 20 апреля 1816 года, «Предложение члена Чу московскому Арзамасу»), письмо В.Л. Пушкина в Арзамас (23 апреля 1816 года) и его пространное «послание». Именно как сюжетно организованный текст это арзамасское «происшествие», названное в протоколе «срамом Арзамаса», и стало одним из запоминающихся событий литературной жизни своей эпохи.

Напомним, что и повесть Пушкина начинается с упоминания о путевых впечатлениях («почти все почтовые тракты мне известны, <...> редкого зрителя я не знаю в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени» [Пушкин, 1987, с. 76]), да и само повествование посвящено истории «станционного зрителя», эпиграмму на которого написал В.Л. Пушкин. Конечно, соотнести непосредственно и прямо

«дорожные стихи» В.Л. Пушкина с повестью «Станционный смотритель» вне указанного контекста проблематично. Правда, можно заметить, что в стихотворении «Разговор в Ижоре» в короткий диалог со смотрителем входит и такой вопрос – «За девками у вас приставлен караул?» [Арзамас, 1994, с. 353], содержание которого вполне может быть соотнесено с сюжетными событиями «Станционного смотрителя», тем более что В.Л. Пушкин, видимо, уделил особое внимание теме вольного поведения женщин, встреченных им на станциях. Об этом мы также можем судить из протокола Арзамаса, где было высказано отношение к лексическим средствам реализации темы, за что Пушкин и был приговорен как «уличенный охотник до слова “б...ть” <...> творить сие слово и дело с крепостной свиньей г-на Крылова».

Но все-таки, на наш взгляд, соотношение текстов возможно и правомерно на уровне культурной и литературной ситуации, как элемент ассоциативной «литературной игры», когда проза Пушкина вырабатывает особые принципы взаимоотношений с различными уровнями контекста одновременно. Ведь присутствие арзамасской темы на страницах «Повестей Белкина» вполне ощутимо. Неслучайно в круге чтения и переписывания Белкина оказывается и «Опасный сосед» В.Л. Пушкина («История села Горюхина»), упомянутый в том же протоколе Арзамаса.

Интересным и важным для их дальнейших исследований в этом плане представляется нам работа А. Глассэ о «Гробовщике». Исследовательница прямо связывает замысел этой повести Пушкина с «Арзамасом» и отчасти с именем В.Л. Пушкина: «В 1830-х годах мало кто знал и помнил о существовании в середине 1810-х “Арзамасского общества безвестных людей” и о его ожесточенной полемике с литературными “халдеями”. <...>. Похоронив своего дядю, Василия Львовича Пушкина (бессмертного “арзамасского гуся”, “Вот я вас опять!”, “старосту” общества), за две недели до приезда в Болдино <...>, Пушкин решил собрать “Арзамас” в своей повести и ответить критикам, новым “халдеям”, на скопившиеся выпады против него “по-арзамасски”» [Глассэ, 1997, с. 94].

Важно в этой связи отметить, что в обычаях «литературной игры» Арзамаса были библейские аллюзии и «кощунственное выворачивание наизнанку священных текстов» [Проскурин, 1996, с. 96], что характерно и для повести «Станционный смотритель». Внимательно рассмотрев принципы «кощунственных» игр арзамасцев, О. Проскурин связал их с актуальными и значимыми для литературного мышления эпохи проблемами: с полемикой о старом и новом слоге, спорами о «расколе в литературе» и борьбой с литературными староверами [Подробнее см.: Там же, с. 73-128], активное внимание к которым проявлял и Пушкин. Влияние отдельных элементов атрибутики Арзамаса на повесть «Станционный смотритель» было отмечено Г.В. Мосалевой [Мосалева, 1999, с. 54-55, 153]. Еще одним элементом арзамасской «игры» в повести может быть, на наш взгляд, весьма показательная для образа Самсона Вырина деталь – его пьянство, упомянутое неоднократно и именно в связи с рассказываемой им историей. Как показал Л.О. Зайонц в своей остроумной статье «Пьянствующие архаисты», в литературных спорах и полемике начала XIX века, когда речь зашла о литературных авторитетах и репутациях, начал складываться феномен литературной мифологической биографии и литературной маски. Маски эти были, естественно, сатирическими. При этом, «пародируемая в “маске” литературная позиция воспринималась как индивидуальная особенность писателя». Наиболее показательными для времени были маски «щеголя-галломана» и «пьяницы»: «В спорах 1800 – 1810-х годов степень подмены реальной личности “маской” нарастает. Более чем когда-либо театр литературной борьбы в эти годы напоминает комедию dell’arte, где под “масками” сталкиваются различные культурно-эстетические программы. “Маска” пьяницы открывала для карамзинистов возможность унифицировать пестрый лагерь писа-

телей, выступивших под именем Шишкова, выделяя в них, прежде всего, приверженность к “славянщине” и “пиндарщине” и объединяя их на основе этого признака» [Зайонц, 1996, с. 229]. При этом автор статьи, рассмотрев в русле своей концепции феномен литературной репутации С. Боброва, отмечает: «Победившая историко-литературная концепция в значительной мере строилась на арзамасском фундаменте» [Там же, с. 231]. Действительно, в арзамасских документах имя Боброва и его «маска» встречаются неоднократно: например, в известном «Письме к издателю о поэте Боброве» П.А. Вяземского (1810). Здесь пародийно представлена тризна, на которой с чашами в руках читают стихи умершего поэта: «Первый, взявший полный сосуд в руки, выступил на середину комнаты <...> и с гласом, прерывающимся рыданиями, сказал... Другой ... осушил чашу, уронил слезу и прибавил... Все общество зарыдало!.. <...> Тут рыдания усилились... В душевном смятении все бросились на чаши... Сцена была ужасная! Но поспешим продолжать рассказ стихов» [Арзамас, 1994, с. 154-155]. Не исключено, что описание Самсона Вырина имеет некоторые черты сходства с пародийным описанием Вяземского (неслучайно повесть открывается эпиграфом-«репликой» Вяземского, что акцентируется и его упоминанием в начале повести). В повести Пушкина «старик не отказался от предлагаемого стакана. ...Ром прояснил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив», «Таков был рассказ ... старого зрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами... Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов» [Пушкин, 1987, с. 83-84].

Если мы восполним процитированный фрагмент повести, то встретимся с еще одним проявлением «литературной игры» – у Пушкина это был «рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он (Вырин – Е.С.) своею полою, как усердный Терентьевич в прекрасной балладе Дмитриева». Автор повести в данном случае откровенно отсылает читателя к стихотворению И.И. Дмитриева «Карикатура» (или «Отставной вахмистр»). Этот прием принято считать прямой отсылкой, выражающей и прямые связи стихотворения с повестью. О том, что «сюжетно-смысловая атмосфера “Карикатуры”» содержит «соответствия» с семантикой пушкинской повести, писал еще В.В. Виноградов [Виноградов, 1934, с. 149]. Некоторое сходство произведений на фабульно-сюжетном уровне отмечает Н.Н. Петрунина, сближая героиню Пушкина и Дмитриева: «В судьбах Дуни и Груняши, “хозяйки” дмитриевского вахмистра, нет (или очень мало) общего. Зато Самсону Вырину и “усердному” к делам барина своего Терентичу суждено одно: оступившись, и Дуня и Груняша как на дно канули для своих близких. Ни той, ни другой не только нельзя ничем помочь, узнать о них ничего нельзя» [Петрунина, 1987, с. 129]. И немецкий исследователь В. Шмид считает, что в повести Дуня уподобляется «грешной жене солдата», а потому «Вырин воспринимает уход дочери как любовную измену». Уподобление же «зрителя верному слуге указывает на самооценку Вырина» и «придает отцовской скорби Вырина ироническую окраску» [Шмид, 1996, с. 133-134]. Эти устойчивые представления, несмотря на свою привлекательность, нуждаются, на наш взгляд, в самых существенных корректировках.

Прежде всего, нам нужно внимательно всмотреться в личность и творчество И.И. Дмитриева. Обычное представление о нем как о «простеньком», наивно-сентиментальном поэте, авторе песенки «Стонет сизый голубочек» совершенно обманчиво. Несмотря на общеизвестную «внешнюю маску», Дмитриев играл огромную роль в литературных полемиках начала XIX века, в свое время он даже воспринимался как основоположник споров «о литературных репутациях». Его активное участие в литературном движении эпохи подробно рассмотрено в статье В.Э. Вацура «И.И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века». Как считает автор статьи, приемы литературной полемики, «литературной игры», па-

родии, которые использовал Дмитриев, и даже созданные им «биографические легенды» позднее «получат новую жизнь в “Арзамасе”» [Вацуро, 1989, с. 178]. На наш взгляд, Дмитриев вполне может быть включен в «арзамасский» контекст еще и потому, что активно поддерживал идеи Арзамаса и дружеские связи с его членами. Неслучайно, наверное, уже много лет спустя, в 1860 году, о дружеских связях с Дмитриевым и яркой личности поэта написал П.А. Вяземский в стихотворении «Дом Ивана Ивановича Дмитриева».

Все это заставляет нас вновь обратиться к вопросу о процитированном в «Станционном смотрителе» тексте И.И. Дмитриева. О чем же идет речь в «Карикатуре»? Вот как содержание стихотворения передает современник поэта – его племянник М.А. Дмитриев: «Это описано истинное происшествие, случившееся в Сызранском уезде, в деревне Ивашовке, в 12 верстах от нынешней моей деревни. Описанный в *карикатуре* – вахмистр Шемшинского полку, Прохор Николаевич Патрикеев. Он, в молодых годах, женился, будучи еще *недорослем* <...>, потом, оставя жену в деревне, отправился в полк. Это было еще до Петра Третьего, когда чины шли туго и отставок не было; почты тоже не было, а потому он, как человек небогатый, вероятно, не имел средств получать известия о своем семействе. Наконец, дослужившись до вахмистров в царствование Екатерины, и в пожилых уже годах он вышел в отставку и воротился верхом на своем боевом коне в свою Ивашовку. <...> Жену его звали Аграфена Семеновна. Но жены он не нашел уже. Она была судима в пристанодержательстве и, вероятно, сослана. Некому было дать мужу и известия о ее участи: происшествие это было уже старое и забытое. <...> Автор прибавляет и окончание этой справедливой истории (о женитьбе героя – Е.С.) <...>. У меня есть картинка, написанная пером самим Дмитриевым в его молодости: она изображает *Патрикеева*, подъезжающего на *старом рыжике* к селу Ивашовке. Там не забыт и тощий кот, мяукающий на кровле» [Дмитриев, 1985, с. 224-225].

Уже в этом пересказе заметно несходство «Карикатуры» с повестью Пушкина именно на уровне сюжетной семантики. Как представляется, в судьбах героинь двух произведений вообще нет общего, даже если считать их «оступившимися»: трудно сравнивать уголовное преступление и бегство с гусаром. Мало общего и у других героев: Вырина и Терентьича. Последний – всего лишь «холоп усердный», рассказывающий приехавшему барину о случившемся в доме. Невозможно уравнять повесть и стихотворение Дмитриева и по «месту действия», что попыталась сделать Г.В. Мосалева. Исследовательница обращает внимание на «сближенность названий пространств (у Дмитриева и у Пушкина), в которых пребывают обе героини», что, по ее мнению, может прочитываться «как еще один, но не реализованный вариант судьбы Дуни» [Мосалева, 1999, с. 49].

Речь идет о названиях «пристань» и «станция», которые, на наш взгляд, хотя и имеют общий корень, но семантически являются совершенно разными. «Станция» – не только обозначение статичности пребывания, это еще и конкретное, государственное учреждение, в котором служит отец Дуни. Таким образом, это место невольного пребывания героини. «Пристань» же – это «притон», а пристанодержательство означает «держатъ пристань, притон, тайное пристанище для беглых, бродяг, воров, разбойников» [Даль, 1994, с. 164]. У Дмитриева об этом и идет речь: «Она держала пристань / Недобрым молодцам» [Дмитриев, 1986, с. 196]. «Пристань», таким образом, это не только вольное местопребывание героини Дмитриева, но и место вольное: для беглецов и бродяг, к тому же – противозаконное. Не имеет отношения к повести Пушкина и концовка этой «истории» – «Несчастный муж, поплакав, / Женился на другой» [Там же, с. 197].

Сближение двух текстов происходит в данном случае, на наш взгляд, на других основаниях. Дело в том, что это стихотворение Дмитриева, как и многие другие его тексты, насквозь пронизано иронией. Иногда шутливый настрой произве-

дений этого поэта может иметь оттенок двусмысленности и кощунства (например, «Я москвой быть желаю...», «К Маше»). Чаще всего предметом острых шуток и иронии Дмитриева были литература и литераторы («Чужой толк», «Сонет»). Литературно-полемический характер присущ и тексту «Карикатуры». Здесь показательно и демонстративно нарушены казавшиеся еще незыблемыми литературные нормы и правила. Прежде всего, это бросающееся в глаза смешение стилей и художественных моделей. Иронично-игровое начало текста при этом выражается, например, в несоответствии «высокого» начала стиха его основной части и концовке: «Сними с себя завесу, / Седая старина! / Да возведу я внукам, / Что ты откроешь мне» [Там же, с. 194]. В тексте беспорядочно и немотивированно смешаны речевые пласты и литературные формулы: например, «высокий штиль» («витязь», «в восторг приводит дух», «заныло веще сердце») и сентиментальные клише («и сердце расцвело!», «и травка зеленей»).

К тому же, поэтический сюжет сталкивается с повествовательными началами (жанровые признаки анекдота и новеллы), которые в свою очередь реализуются через просторечие, бытовые детали («тощий кот», «двор заглох в крапиве», «в щелку ветер свистит») и снижение героев: пропавшая Груняша оказывается преступницей, а герой-«витязь» в контексте общепринятых норм литературного стиля (текст был опубликован еще в 1792 году) представлен совсем «непоэтично»:

Под шляпой в колпаке,
Трях, трях, а инде рысью,
На старом рыжаке,
В изодранном колете,
С котомкой в тороках
[Там же, с. 196].

Таким же немотивированным смешением можно считать и появление в речи повествователя цитаты из «Карикатуры»: он вспоминает Терентьича и вкладывает в уста зрителя фразу, этим героем сказанную, правда, совсем по другому поводу и о другой героине, – «Хозяюшка твоя / Жива иль нет, бог знает!» [Там же, с. 196]. В. Шмид, полагая, что эти слова принадлежат самому Вырину, считает намек на «Карикатуру» для такого рассказчика «совершенно неуместным» [Шмид, 1996, с. 147]. По нашему мнению, рассказ Вырина – это изображенная речь, как и сам образ зрителя, и изображены они повествователем. Но даже и в этом случае упоминание текста Дмитриева оказывается «неуместным». Рассказывание повествователем «истории», его видение и понимание героев заслонены «литературностью», и он не может найти форму для своего собственного высказывания. Речь повествователя – такое же нелепое смешение стилей и художественных моделей, литературных шаблонов и клише, как и в тексте Дмитриева, который был действительно «карикатурой» на «литературные упражнения» тогдашнего времени. Неслучайно Дмитриев в публикациях уже XIX века, когда проблема стала еще острее, меняет название стихотворения: прежнее – «Отставной вахмистр», становится «Карикатурой».

Ориентации «Станционного зрителя» на текст Дмитриева можно назвать, конечно же, с необходимыми оговорками, приемом «обратной перспективы» и составным элементом «литературной игры» автора. И «Карикатура», и арзамасский «сюжет» В.Л. Пушкина заставляют искушенного читателя видеть в речи повествователя авторскую «игру», читать повесть А.С. Пушкина как бы от «обратного» и видеть скрытую внутреннюю полемику ее стиля и поэтики. Таким образом выстроенные интертекстуальные связи пушкинской повести с различными уровнями историко-культурного контекста стоят у истоков порождения новой художе-

ственной референции, которую литературоведы обычно называют пушкинским реализмом.

Литература

- Арзамас: Сборник: В 2 кн. Кн. 1. М., 1994.
- Вацуро В.Э. И.И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989.
- Виноградов В.В. О стиле Пушкина // Литературное наследство. Т. XVI–XVIII. М., 1934.
- Глассэ А. О мужичке без шапки, двух бабах, ребеночке в гробике, сапожнике немце и о прочем // «Новое литературное обозрение». 1997. № 23.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М., 1994.
- Дмитриев И.И. Сочинения. М., 1986.
- Дмитриев М.А. Московские элегии: Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985.
- Зайонц Л.О. «Пьянствующие архаисты» // «Новое литературное обозрение». 1996. № 21.
- Мосалева Г.В. Особенности повествования: От Пушкина к Лескову. Ижевск; Екатеринбург, 1999.
- Петрунина Н.Н. Проза Пушкина (Пути эволюции). Л., 1987.
- Проскурин О. Новый Арзамас – Новый Иерусалим: Литературная игра в культурно-историческом контексте // «Новое литературное обозрение». 1996. № 19.
- Пушкин А.С. Сочинения: В 3 т. Т. 3. Проза. М., 1987.
- Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». СПб., 1996.